

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96

УДК 316.473

Опыт места. Чем образ территории может помочь в изучении межэтнических сообществ города

Ирина Анатольевна Скалабан

кандидат исторических наук, доцент,
Новосибирский государственный технический университет
skalaban@corp.nstu.ru

Аннотация. Статья посвящена поиску ответа на вопрос: может ли помочь реконструкция присущего жителям образа места и опыта места в изучении города как межэтнического сообщества. Реализованный подход основан на понимании города З. Бауманом. Статистический материал и эмпирические исследования образов локализованных пространств в Новосибирске доказывают, что присутствие в современном городе инокультурных групп содержит в себе как потенциал для развития его самого и сообществ, так и риски усиления общественных настроений, которые вслед за Е. В. Тюрюкановой можно обозначить как новую ксенофобию. На теоретическом и эмпирическом материале показывается перспективность оценки характера межэтнических отношений в пространствах города, интеграции инокультурных групп в городское сообщество с помощью образа места и тесно связанного с ним опыта места. Инструментом сбора и анализа материала, способным решить эту задачу, является метод совместного социального картирования в его эскизной версии, применение которого позволяет оценить характер и специфику конструирования образа города инокультурными этническими сообществами и получить важную информацию об их интегрированности в городскую среду. Установлено, что конструируемый образ опирается не на универсальные культурные символы, усвоенные горожанами, а на символику, отражающую интересы и ценности этнического сообщества общинно-корпоративного типа. Доказана связь между вообразимостью пространства, его информационной и символической плотностью и опытом места. Показано, что для представителей новых диаспор характерна ориентация преимущественно на адаптацию к городской среде, а не к городскому сообществу, что, вероятно, является первым шагом (но недостаточным) по их интеграции в общественное пространство города.

Ключевые слова: город, межэтническое сообщество, пространственно локализованное сообщество, образ места, образ территории, опыт места, совместное социальное картирование, диаспора.

Цитирование: Скалабан И. А. Опыт места. Чем образ территории может помочь в изучении межэтнических сообществ города / И. А. Скалабан // Siberian Socium. 2018. Том 2. № 1. С. 84-96.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96

*Если наш городской пейзаж
был вообразен и сделан,
то его можно вообразить
иначе и переделать.*

Д. Харви

ВВЕДЕНИЕ

Будучи плотным, сложным образованием, современный город наполнен разнообразными социальными отношениями, напряжениями и драматическими изменениями. Их значение для

социального развития столь велико, что позволило Э. Сойе, вслед за А. Лефевром, заключить: человеческое общество и, в сущности, все формы социальной жизни возникают, развиваются и меняются в материально реальном и социально воображаемом контексте городов [12, с. 133].

Одним из важнейших фундаментальных отличий современного города от досовременного становится присущее его жителям отчуждение. Оно выражается, по образному замечанию З. Баумана, в обилии в городе «вечных незнакомцев» и чужаков, которые остаются вблизи друг друга, «взаимодействуют друг с другом на протяжении долгого времени, не переставая при этом оставаться незнакомцами». Именно их присутствие создает из города благоприятную среду для изобретений и нововведений, рефлексивности и самокритики, неудовлетворенности, несогласия и стремления к будущему [1, с. 26-27], но одновременно делает город «свалкой страхов и опасений, порождаемых глобально вызванной неуверенностью и неопределенностью» [1, с. 52].

Однако, обладая высоким сегментирующим и дифференцирующим эффектом, будучи наполнен противоречиями в ходе борьбы «за смыслы и идентичности» между глобальным и локальным, город сохраняет устойчивость. Одновременно оставаясь пространством многообразных локальных сетей и локальных смыслов, тем самым формируя даже среди незнакомцев ощущение принадлежности, создавая между ними опосредованную связь, объединяя их не только пространством, но и, как ни парадоксально, сообществом места.

Являясь частью пространства повседневности любого горожанина, даже осознающего себя чужим по отношению к доминирующей городской культуре, сообщества места тщательно вплетены в социальное пространство города, прямо или косвенно влияя на него. Выступая местом жизни индивида, такое сообщество участвует в его в бытии, занимает место в конструируемой им реальности, вынуждая осознавать и переживать ее. Суть этой связи между социальным и физическим пространством города удачно сформулировал Анри Лефевр: социальные отношения остаются абстрактными и нереализо-

ванными, пока они не получают конкретного выражения и не вписываются материально и символически в обитаемое пространство [цит. по: 12, с. 133]. Поэтому, интернализируя реальность, индивид в той или иной мере вынужден постепенно и избирательно усваивать символические образы и значения, нормы, «интерсубъективные» верования, ценности, присущие сообществу, экстернализируя их в частной и общественной деятельности. Этот процесс непрерывных изменений не может быть осмыслен иначе, чем через понимание сложившегося у индивида *образа места*, а также изучение *опыта места*. Речь идет о «местоположенных практиках», помещенных в определенный социокультурный и территориально-пространственный контекст, в которых этот образ и формируется.

Особенную значимость и интерес изучение образа места приобретает в случае, когда речь идет о «новых» горожанах — представителях инокультурных групп. Их присутствие превращает сообщество города в мультикультурное сообщество. Будучи теми самыми «чужаками» З. Баумана, они приносят в современный город иные культурные традиции и иные социальные практики, которые позволяют творчески перерабатывать и влиять на символическую и нормативную культуру города и сообщества. Благодаря инновационному потенциалу их присутствие в городе одновременно усиливает присущую сообществу «незнакомцев» неуверенность и неопределенность, усиливает риски, которые выплескиваются в пространство города через враждебность, спонтанную агрессивность и конфликты. Однако если жителям на уровне города удастся наблюдать друг друга в кварталах, разговаривать друг с другом, приходиться к общим правилам жизни, налаживать сотрудничество, то такая «локальная подготовка» позволяет перестать вызывать тревогу и страх и на более глобальном, цивилизационном уровне [1, с. 52].

Чтобы несколько приблизиться к пониманию того, как влияет инокультурность и длительность проживания на восприятие города и сообщества, каким образом вовлеченность в социальные практики города связана с формируемым образом

территории, обратимся к эмпирическим исследованиям, проведенным в г. Новосибирске в 2016/17 г. в рамках исследования межэтнической ситуации в городском сообществе.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО Г. НОВОСИБИРСКА: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Исследуя город, необходимо признать, что этничность как свойство общности не является единственным параметром анализа городского пространства и сообщества, но в определенных случаях может выступать основным. Его главное отличие от других оснований диагностики городских отношений и городской среды заключается в непрерывном изменении «веса» в ситуации противостояния локального и глобального. Этничность как фундаментальный признак локального характеризуется принадлежностью к группе, идентифицируемой как теми, кто в нее входит, так и теми, кто в нее не входит [2, с. 11]. Поэтому этническая принадлежность стабильно выступала и выступает одним из важнейших оснований самоидентификации сообществ, маркирования культурных границ. Особое значение это приобретает сегодня, когда полиэтничность становится естественным состоянием любого города. В случае, когда этническая идентификация проявляет себя не только на уровне индивида, но и групп, есть смысл говорить о наличии в городе межэтнических сообществ, а в наиболее развитой «продвинутой» форме и о городе как о межэтническом сообществе. Такое сообщество характеризуется пространственной целостностью за счет наличия способных к самоорганизации групп, сообществ с этнической и, одновременно, социально-территориальной идентификацией. Важным признаком является и характер межэтнического взаимодействия. В этом контексте видится перспективным определение межэтнического сообщества Ю. В. Попкова и Е. А. Тюргашева: «Это исторически сложившаяся социально-антропологическая общность *взаимодействующих* этнических групп, занимающих определенные социальные ниши (однотипные позиции, роли, места)» [9, с. 8].

С этих позиций Новосибирск, несмотря на высокую этническую монолитность (86,2% населения идентифицируют себя как русские) [7], может быть рассмотрен как формирующееся, но еще дифференцированное межэтническое сообщество, обладающее своей спецификой.

Будучи крупным центром регионального значения, г. Новосибирск (численность населения на 01.01.2018 — 1 619 826 чел.) демонстрирует высокую миграционную динамику. За предыдущие 10 лет здесь наблюдался сначала активный миграционный прирост, который с 2013 г. начал замедляться. Особенно сильно снижение его темпов проявилось в 2017 г. На начало 2018 г. в Новосибирске был зафиксирован самый низкий показатель миграционного прироста с 2007 г.: +8 447 чел. Особенно высокие отрицательные значения показала внутререгиональная миграция (–1 338 чел.). На фоне низкого российского межрегионального миграционного прироста (+1 616 чел.) диссонирующе высоким выглядит миграционный прирост из стран СНГ (+8 691 чел.). Хотя он и соответствует многолетним тенденциям, в совокупности с падением других показателей это приводит к изменению доли мигрантов из стран СНГ в общей структуре миграции. Так, если в 2006 г. их доля составляла 11,8% от всего потока прибывших, то в 2017 г. уже 34,5% (2016 г. — 31%). Встречный поток в страны СНГ за 2017 г. составил лишь 51,5% от всех выбывших. Это позволяет предположить, что часть приехавших использует Новосибирск для транзита или пополняет уже имеющиеся этнические сообщества. Очевидно, уже в ближайшие годы фактор этничности будет проявлять себя в Новосибирске более активно, особенно на фоне усиливающегося миграционного оттока населения [7].

На трансформацию этнической картины города влияет не только количественный состав прибывающих инокультурных групп, но и изменение качественного состава миграционных потоков. Среди прибывших доминируют этнокультурные группы — представители народов Средней Азии, Кавказа, Азиатско-Тихоокеанского региона.

Исследования, проведенные под руководством и с участием автора статьи в 2014-2016 гг.¹, позволяют утверждать, что распределение этнических групп в условиях высокой миграционной активности в крупном городе носит неравномерный характер. Преимущественно оно концентрируется на периферии города, в тех районах, где расположены крупные региональные рынки, создавая локальные очаги напряженности между приезжими и местным населением, обостряя междиаспоральную и внутридиаспоральную конкуренцию [8].

В целом полученные результаты позволяют согласиться с выводами Е. В. Тюрюкановой об иной природе напряженности в принимающем сообществе современного российского города. Она ее определила как «новую ксенофобию». Ее источником являются не столько традиционные проблемы распределения материальных ресурсов и власти (что проявляется, к примеру, в перманентных междиаспоральных и внутридиаспоральных конфликтах за раздел территории, которые также активно присутствуют в городе), сколько в культурной отдаленности от местного населения прибывающих новых инокультурных групп [13]. Не случайно наиболее высокий уровень межэтнической напряженности и конфликт-

ности в ходе исследований зафиксирован в местах локального проживания «новых незнакомцев» — жителей недавно построенных спальных окраинных микрорайонов, куда на фоне ограниченных социальных ресурсов (школ, детских садов, поликлиник) постоянно прибывает новое социально и экономически активное население. Последнее в большинстве своем не имеет предыдущего опыта повседневных взаимодействий с представителями инокультурных групп. Именно здесь в наиболее причудливой форме проявляют себя то, что З. Бауман назвал миксофилией и миксофобией², «когда вечный, хотя и бессознательный страх перед неизвестностью ищет отдушину» [1, с. 43].

Одновременно в городе наблюдается постепенное становление новых диаспоральных сообществ преимущественно за счет выходцев из Средней Азии. Этим сообществам свойственна неоднородность, дифференциация не только по этническому, но и микрорегиональному, поколенческому, экономическому признакам, причем их структурирование затрагивает не только внутри-, но и междиаспоральные отношения [11].

ОБРАЗ МЕСТА КАК «ПРОСТРАНСТВА ЖИЗНИ» ГОРОЖАНИНА — КОМПОНЕНТ ДИАГНОСТИКИ МЕЖЭТНИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

В этих условиях важным признаком формирования как локальных межэтнических сообществ, так и городского межэтнического сообщества является принятие жителями дискурса этничности. Если этничность в качестве компонента «пространства жизни» является для местных жителей естественной частью их локального или городского пейзажа, то можно говорить о сфор-

¹ Исследования осуществлялись в рамках двух проектов. Первый проект: «Межэтнические напряжения и конфликты в г. Новосибирске» (2014/15), по заказу мэрии г. Новосибирска (7 фокус-групп с применением метода масштабного социального картирования, с лидерами национально-культурных автономий (НКА) Средней Азии и Кавказа, а также представителями местных органов власти, структур, в чьи обязанности входит контроль за этносоциальной ситуацией на территории). Второй проект: № 16-03-00144 РФФИ (РГНФ) «Социокультурный мониторинг межэтнического сообщества: построение системы показателей и апробация в деятельности органов муниципального управления города Новосибирска» (рук. Ю. В. Попков) (включает 6 групповых интервью с использованием метода эскизного социального картирования с авторитетными представителями диаспор и местными жителями, проживающими в местах высокой концентрации представителей Средней Азии и Кавказа, 48 экспертных интервью).

² Этими терминами З. Бауман обозначает принятие или отторжение разнообразия (микс-смешение) человеческих типов и образов жизни, встречающихся на улицах и в жилых районах современных городов. Если миксофилия предполагает принятие различий, инаковости, многоголосья, то миксофобия предполагает ориентацию на схожесть, «таких, как они», локальное общее и, как следствие, сегрегацию.

мировавшемся сообществе. Если фактор этничности носит скорее негативно-проблемный характер, будет целесообразно вести речь о ранних фазах формирования подобного сообщества. Важно иметь в виду, что ни та, ни другая позиция неизменно устойчивой быть не может и будет изменяться в зависимости от целой совокупности факторов социокультурного, социально-экономического, политического характера на локальном, региональном или федеральном уровне.

В этом плане периодический анализ транслируемого жителями разной этнической принадлежности образа «пространства жизни», пространства локализованного сообщества может помочь исследовать этот процесс. Обратимся к теории.

Само по себе исследование образа сегодня является частью пространственных исследований, особенно в их постмодернистском варианте. Выделяются две традиции его анализа.

Первая — это традиция пространственных исследований, разрабатываемая во французско-европейской географии, антропологии, социологии. Она уходит корнями в региональные исследования места, напряженностей, вызванных взаимным влиянием людей и среды в географии «Vidalian», ее основоположника Поля Видаль де ла Блаш, а также в антропологию 1980-х гг., где под влиянием Ж. Деррида, Р. Барта обозначился рост интереса к визуальности как первичному измерителю социальной действительности. Эта традиция дала жизнь популярному сегодня концепту «пространства жизни» и анализу его компонентов: жилого пространства (территория, зоны активности), социального пространства и связанных с ними ценностей [15, с. 130]. С точки зрения ее теоретиков, место может «эксплицитно существовать только в дискурсе его жителей и продуцирующей его риторике» [17; 18, с. 3], но рождается оно в ситуативной реальной практике. Именно практика создает образ места из опыта места [22].

Вторая — это американская традиция анализа места. Она сформировалась как ответ на социальные вызовы, требующие решения социально-проектировочных задач под влиянием чикагской школы 1920-х, пространственных исследований и картирования С. Милграма, К. Линча 1960-х гг.

с их концепцией роли личности в «образовании», П. Гоулда и Р. Уайта 1970-80-х гг. В рамках этой традиции много сделано для анализа места как социально конструируемого, осмысления пространственных параметров отношений и тождества: общности места, чувства места, места тождества, места зависимости и пр. В этой традиции чувство места возникает в диалектике качества места и отношения людей к местам [23]. Поэтому и активность участия жителей зависит не только от их социально-демографических характеристик, но и от общности восприятия места. Чувство места складывается из когнитивных, аффективных и мотивационных составляющих: идентификации с местом, зависимости от места и привязанности к месту [16, 19, 10], может носить как неосознанный характер, так и, в случае наличия у индивидов или группы практических целей, ориентированных на будущее, быть целенаправленным проектом [21].

Опыт, накопленный в описанных выше традициях, показывает, что анализ образа территории порой имеет самостоятельный характер, но способен стать частью более обширного исследования социально-территориального пространства, проживающего на нем сообщества и его смыслов. В этом случае исследователи обращаются к анализу четырех типов факторов: интерпретации образа места, анализу местных практик социального участия, пространственной активности и демографического фона [16, с. 116].

В нашем случае, опираясь на описанный выше теоретический задел, остановимся на анализе социальных карт и сопутствующего им обсуждения по нескольким параметрам, которые могут иметь значимость для анализа образа территории в контексте этничности:

1. Вообразимость (К. Линч, М. де Сорето, А. Лефевр), представимость (С. Милграм) пространства, ее границы и информационная плотность. Важно понять, что «держит» пространство и составляет его устойчивое символическое ядро, вокруг которого организуется поселение и весь район, присутствуют ли иконические образы [5, с. 142].
2. Опыт места. Насколько освоено публичное общественное пространство и связано с

личными позитивными и негативными практиками участников картирования?

3. Групповость [3, с. 100]. Осознание себя как группы по отношению к «другим». Отождествление участников сессии с местным локализованным сообществом.
4. Отождествление с местом. Чувство существования дома. Идентификация с домом: «Комфортно, знакомо и действительно мое» [1, с. 113].

СОВМЕСТНОЕ СОЦИАЛЬНОЕ КАРТИРОВАНИЕ КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗА ТЕРРИТОРИИ И СООБЩЕСТВА

Инструментом исследования образа в проведенном исследовании выступает метод совместного социального картирования [4].

Уже более века картирование используется для осмысления урбанизма и неравенства, процессов изменения городской среды, изучения пространственных аспектов группообразования, характера социальной жизни тех или иных, в том числе и маргинальных групп.

Еще с 1960-х гг. различные методы картирования используются для деконструкции сложившихся образов пространства, позволяя собирать одновременно визуальный и повествовательный материал. Карта города может строиться как на основе анализа индивидуальных образов городской среды, через выделение и осмысление ментальных карт, как это делали К. Линч, С. Милграм, П. Гоулд и Р. Уайт, так и/или через реконструкцию и анализ зон коллективного согласия — конвенциональных социальных образов города — с помощью группового интервью [4].

Метод совместного социального картирования есть метод группового интервью с процедурой построения карты, направленный на сбор социально-пространственных данных о сообществе и территории с целью диагностики ситуации и вовлечения участников в проекты развития территории. В его основе лежит социально-конструкционистская методология и методология исследования действием (AR — action research), совместных действий (PAR — participatory action

research). В зависимости от задач, процедура совместного картирования представляет собой фокус-группу или воркшоп. Описывая «пространство жизни», жители рассказывают о территории, маршрутах, любимых местах и возможных опасностях, людях, живущих здесь, личных повседневных практиках отношений с ними, существующих традициях совместной деятельности, делятся своими наблюдениями и личными историями.

Для данного исследования был выбран его наиболее произвольный вариант: эскизное картирование. В этом случае территориальное пространство изображается информантами произвольно, по памяти, с чистого листа, что расширяет основания для анализа. Картографические обозначения вводятся по договоренности между участниками при помощи специалиста — исследователя или проектировщика. В данном случае исследователями привлекается информация интерпретативного характера, представляющая собой уникальный взгляд на территорию, сообщество, межэтнические отношения, конструируемый группой в ходе создания карты.

ОБРАЗ ТЕРРИТОРИИ И СООБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ЭТНИЧНОСТИ: ОПЫТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование образа локализованных территорий методом совместного социального картирования было предпринято в г. Новосибирске в 2016 — начале 2017 г.

В качестве эмпирического объекта исследования были выбраны несколько локализованных территорий и представителей различных типов сообществ. В каждом случае речь шла о местных жителях, но представляющих разные типы локальных территорий и сообществ, с высоким присутствием инокультурных групп:

1. Микрорайон «Расточка» — старая депрессивная территория, с высоким уровнем криминогенности и самобытной архитектурой (флорентийский ренессанс), сформировавшаяся в конце 40-х — начале 50-х гг. прошлого века, место проживания жителей, исторически связанных с промышленным

предприятием «Тяжстанкогидропресс»; участники сессии — активные местные жители, члены территориальных органов общественного самоуправления (ТОС), длительное время (от 35 до 70 лет) проживающие на этой территории (рис. 1).

2. Микрорайон МЖК — спальный микрорайон, динамично застраивающийся, начиная с

конца 80-х гг. XX в. В силу продолжающейся активной застройки воспринимается жителями города как новый. Расположен рядом с крупнейшим за Уралом региональным вещевым рынком (до 2015 г.) и расположенной в настоящее время на его месте группой торговых центров; участники сессии — активные местные жители, члены ТОС.

Рис. 1. Микрорайон «Расточка». Пространство старого обжитого места

Fig. 1. The housing estate “Rastochka”. The space of old inhabited place

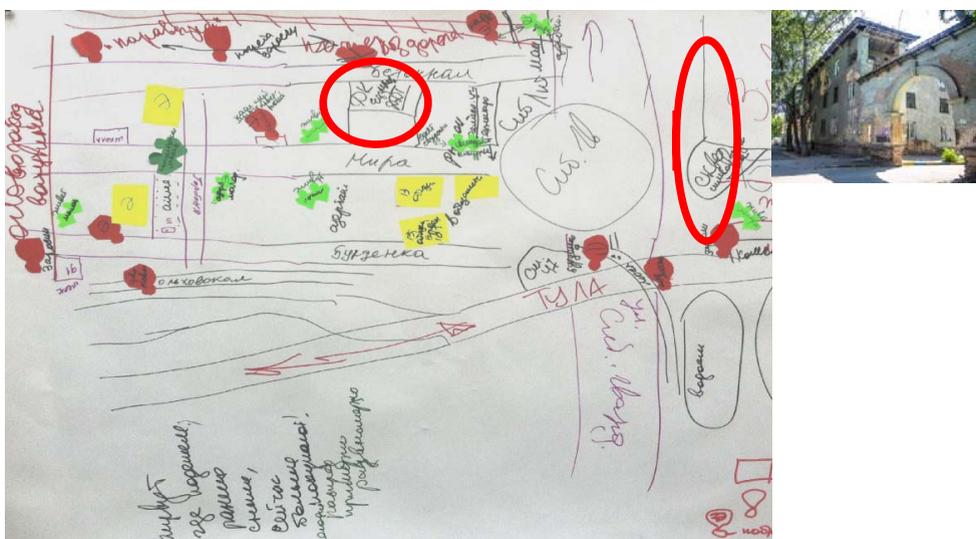

Рис. 2. Микрорайон МЖК. Пространство «нового» места (иконических образов не обнаружено)

Fig. 2. The housing estate “MZk” (Molodyozhnyi zhiyoy kompleks; Youth Residential Complex). The space of a “new” place (iconic images not found)

3. Микрорайон МЖК; участники сессии — местные жители — авторитетные представители киргизской диаспоры (рис. 3).
4. Район улиц Жуковского — Ереванская — территория частного сектора и малоэтажной застройки, с конца 80-х гг. прошлого столетия активно заселяемая новой для города этнической группой — езидами; участники сессии — местные жители, авторитетные представители езидской диаспоры (рис. 4).

Рис. 3. Микрорайон МЖК. Пространство жизни киргизского сообщества
 Fig. 3. The housing estate “MZhK”. Kirgiz community living space

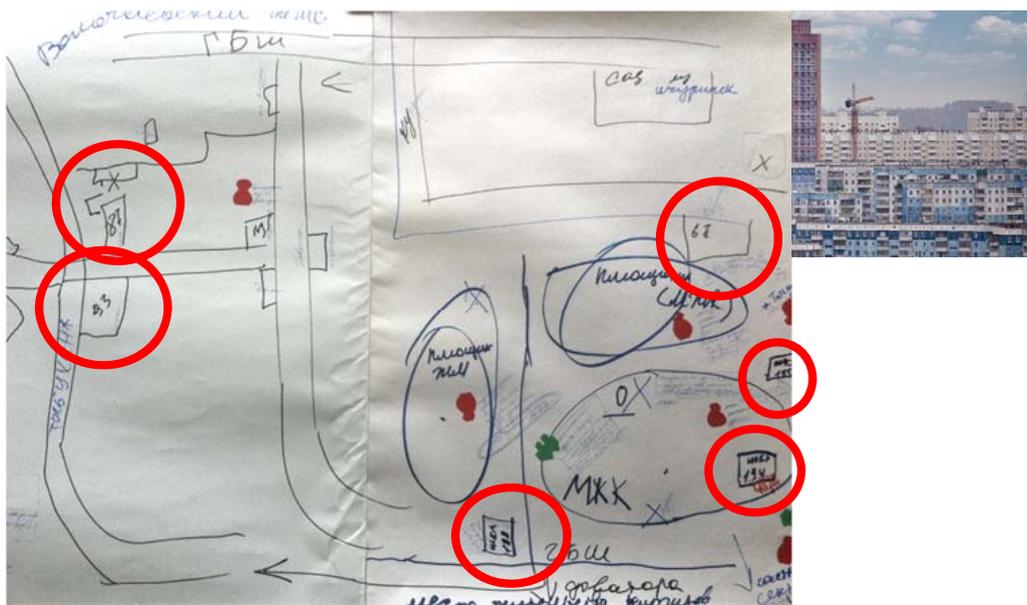
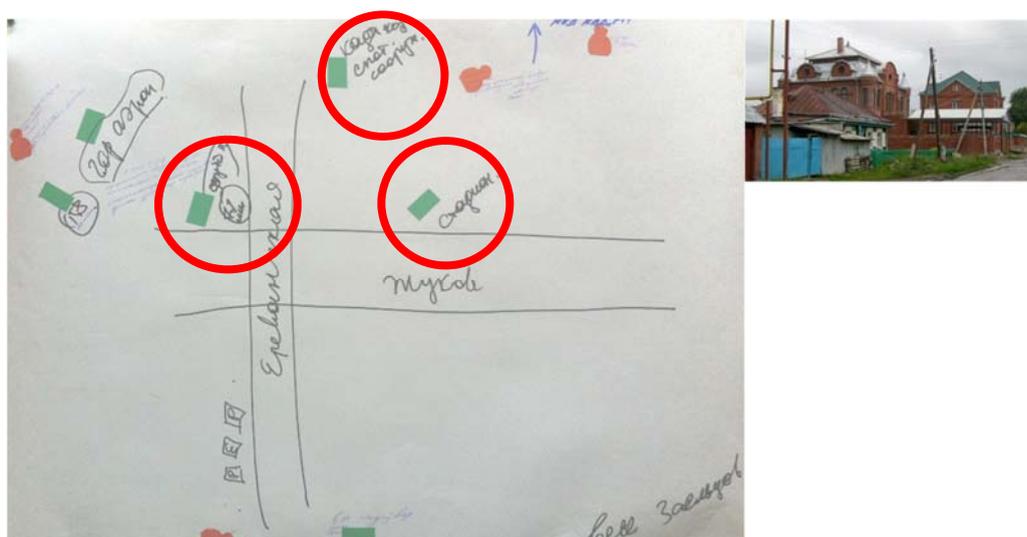

Рис. 4. Район Жуковского — Ереванская. Пространство проживания езидов
 Fig. 4. St. Zhukovskiy — Erevanskaya zone. Yazidis' living space

Результатом исследования стали представленные выше карты территорий и сообществ (рис. 1-4), изображенные участниками сессий картирования. Их анализ осуществлялся в соответствии с выделенными выше основаниями, но в силу ограниченности объема статьи его результаты будут показаны лишь выборочно.

Карты продемонстрировали, что *границы* территории, идентифицируемой как «своя», только на исторически сформировавшейся «старой» территории определяются или совпадают с ее общепринятыми и устоявшимися границами (микрорайон «Расточка» (рис. 1)), во всех остальных случаях они в большей или меньшей степени определяются личным опытом и предпочтениями участников. Характер границ поддерживается и воображаемостью территории. Ее структурными основаниями на всех картах являются дороги, задающие рамки или ограничивающие «пространство жизни». Однако если сравнить карты между собой, то информационная плотность, как, впрочем, и наличие иконических образов (широко известных и признаваемых всеми объектов — А. Лефевр), присущи также только карте старого района (отмечены красными окружностями — ДК Ефремова, завод Ефремова) (рис. 1).

Вместе с тем в сконструированном участниками сессии картирования образе сообщества старого микрорайона фактически отсутствуют как жители новых многоэтажек, так и инокультурные группы приезжих, чье число здесь стремительно увеличивается. Следы их присутствия появились на карте после прямых вопросов модератора. Все сегодняшние «невидимые незнакомцы» с правом на территорию в перспективе могут стать для его коренных жителей «чужими», особенно в ситуации манифестирования своего присутствия через новые нормы и правила, инфраструктурные изменения. Тем не менее в настоящее время стилевое единство места, насыщенного уникальными, хотя и разрушающимися объектами, и отчасти сохраняющееся только в представлениях его коренных жителей, сберегает воображимость места («*это был сказочный городок*»). Одним из его источников является наличие у участников сессии картирования большого опыта места. Их длительное активное социальное участие

позволяет вопреки сложившимся мифам о «бандитском» районе воспринимать его благоприятно, переписывая социально негативную действительность позитивными красками хозяев/собственников территории («*не совсем благополучный контингент*», «*опасно по границам, получается, а в самой Расточке не опасно*»), что сохраняет большее ощущение безопасности. Однако даже при наличии типичной для новосибирцев тревожной эмоциональной реакции на инокультурность участники демонстрируют, с одной стороны, отдельные уникальные практики устойчивого взаимодействия с приезжими, которые отсутствуют в новых районах, но с другой, живут параллельно с ними. Существенный вклад в наличие «межкультурного мира» вносит обширность территории и удобство ее организации, что существенно увеличивает пространственную дистанцию между группами и позволяет отодвинуть или снять множество повседневных конфликтов.

В отличие от старого, в «новом» микрорайоне МЖК архитектурные «иконы» либо отсутствуют, либо отчасти подменяются природными. Дискурсивно об этом свидетельствует ценность для жителей незначительных природных объектов, а также стремление к участию в строительстве и реконструкции скверов. Несмотря на плотность застройки, существенно превосходящей «Расточку», значимые для жителей объекты концентрируются вдоль магистральных путей, делая пространство в стороне от них пустым и слабо освоенным (рис. 2). В этом случае ограниченность места обуславливает большую интенсивность контактов, которые происходят на магистралях и во дворах — на детских и спортивных площадках.

Несмотря на полиэтничный состав населения, основным маркером благополучия межкультурных взаимодействий для «местных русских» являются отношения с киргизами и, несмотря на незначительное число последних, с казахами. Другие выходцы из Средней Азии остаются для жителей «невидимыми незнакомцами». Косвенным признаком позитивных перспектив межэтнического взаимодействия служит совпадение в отмечаемых на картах «местных русских» и «местных киргизов» ресурсах (меньше), рисках

и угрозах (больше), которые имеются на территории. Это свидетельствует об относительной конгруэнтности образов.

Вместе с тем карта местных жителей — киргизов (рис. 3) демонстрирует существенно большие границы освоенного пространства, чем карта, подготовленная местными «русскими».

Одна из очевидных причин этого — широта проживания привлеченных для картирования представителей киргизкой диаспоры. Вместе с тем обращает на себя внимание и другое обстоятельство, связанное с потребностями в ресурсах. Основные объекты, отмеченные на карте, — школы — наиболее значимый ресурс для этнической группы, ориентированной на проживание в городе (рис. 3, расположение школ на карте отмечено красными окружностями). Их значимость и иконичность столь высока, что все участники картирования были способны прокомментировать достоинства и возможности получения качественного образования в каждой из них. Подобная ситуация наблюдается и на карте, изображенной представителями диаспоры езидов (рис. 4). Но в данном случае речь идет об иконичности в глазах диаспоры стадионов при школах, как ресурса, отвечающего культурным ценностям и интересам этнической группы.

Обе карты показывают низкую информационную плотность образа территории, задаваемого преимущественно значимыми для сообщества общинно-корпоративного типа объектами и ведущими к ним путями. Это свидетельствует также о слабой социальной освоенности территории и сообщества, незначительном опыте места, который не может стать полноценным вне взаимодействия в сообществе. Однако целесообразно обратить внимание на еще один фактор, влияющий на полноту конструируемого образа. Это способность группы согласовать между собой образ. Определенные сложности с этим были у этнокультурных групп. Причины этого надо еще осмыслить, но возможно, сказалось отсутствие опыта группового обсуждения города и сообщества в таком ключе. Представляется, что проблемы коммуникации и рационализации образа как раз и компенсируются проявлением групповости в транслируемых интересах и ценностях.

Вместе с тем важно понимать, что указанные на карте объекты есть одновременно и точки вхождения этнокультурной группы в городское сообщество. Однако их явно недостаточно для интеграции в него либо формирования чувства места. В этом плане новые карты способны будут показать, насколько активно продолжается данный процесс.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вообразимость места, наличие его образа как свойство физического объекта вызывать у наблюдателя устойчивый яркий образ является одной из значимых характеристик освоенного пространства. Однако его необходимо связывать не только с характером места, выступающего объектом анализа, но и со спецификой пользователя, ценностными основаниями, практическими интересами и предпочтениями, в частности вовлеченностью и характером освоенности им среды. В этом плане характер конструируемого образа дает значимую информацию не только о месте, но и о носителе образа, что открывает новые перспективы для подобных исследований. Анализ образа показывает, что важным источником его конструирования, как и конструирования связанных с ним чувства места, социально-территориальной идентичности, является опыт места, наличие возможности и практик освоения пространства как социального. Это подтверждает и обнаруженная зависимость между информационной насыщенностью, плотностью смыслов, заложенных в образ пространства, связанными с ними повседневными социальными практиками, активностью и взаимодействием в пределах пространства жизни, а также ощущением безопасности, что, в свою очередь, сокращает неопределенность и страх «чужого».

БЛАГОДАРНОСТИ

Благодарю своих коллег по проекту Ю. В. Попкова за возможность проводить и коллективно обсуждать исследования, Е. С. Деригу, О. А. Персидскую, И. С. Тарбастаеву за сотрудничество в организации и проведении сессий социального картирования, А. Насонова за их техническую поддержку.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), проект № 16-03-00144.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман З. Город страхов, город надежд / З. Бауман // ЛОГОС. Город. 2008. № 3. С. 24-53.
2. Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий / под ред. Ф. Барта. М., 2006. С. 11.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер; пер. с англ. И. Борисовой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. 408 с.
4. Вавилина Н. Д. Социальное картирование: метод исследования и инструмент развития территории / Н. Д. Вавилина, И. А. Скалабан. Новосибирск: Сибпринт, 2015. 304 с.
5. Лефевр А. Другие Парижи / А. Лефевр // Логос. 2008. № 3. С. 141-147.
6. Линч К. Образ города / К. Линч; пер. с англ. В. Л. Глазычева; под ред. А. В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
7. Миграционные потоки Новосибирской области // Новосибирскстат. URL: http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/55dcf100485df615b82ff8f7eaa5adf2/Миграционные+потоки+03.pdf (дата обращения: 07.03.2018).
8. Персидская О. А. Мигранты в межэтническом сообществе Новосибирска: специфика взаимной адаптации / О. А. Персидская, Ю. В. Попков, И. А. Скалабан // Вестник НГУЭУ. 2016. № 3. С. 229-239.
9. Попков Ю. В. Феномен города как межэтнического сообщества / Ю. В. Попков, Е. А. Тюгашев // ЭКО. 2017. № 10 (520). С. 7-19.
10. Резниченко С. И. Привязанность к месту и чувство места: модели и феномены / С. И. Резниченко // Социальная психология и общество. 2014. № 3. С. 15-27.
11. Скалабан И. А. «Старые» и «новые» диаспоральные сообщества в современном российском городе / И. А. Скалабан // Эко. 2017. № 10 (520). С. 20-35.
12. Соля Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? / Э. Соля // ЛОГОС. Город. 2008. № 3. С. 130-140.
13. Тюрюканова Е. В. Инокультурная миграция. Другой не будет / Е. В. Тюрюканова // Независимая газета. 2010. URL: http://www.ng.ru/scenario/2010-11-23/13_migraciya.html (дата обращения: 15.01.2018).
14. Харви Д. Право на город / Д. Харви; пер. с англ. А. Смирнова // ЛОГОС. Город. 2008. № 3 (66). С. 80-94.
15. Berdoulay V. Place, Meaning, and Discourse in French Language Geography / V. Berdoulay // The Power of Place / eds. J. A. Agnew, J. S. Duncan. London: Unwin Hyman, 1989. Pp. 124-139.
16. Cuba L. A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region / L. Cuba, D. Hummon // The Sociological Quarterly. Spring, 1993. Vol. 34. No 1. Pp. 111-131.
17. Entrikin J. N. Place, Region and Modernity / J. N. Entrikin // The Power of Place / eds. J. A. Agnew, J. S. Duncan. London: Unwin Hyman, 1989. Pp. 30-43.
18. Entrikin J. N. The Betweenness of Place: Toward a Geography of Modernity / J. N. Entrikin. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press, 1991. 195 p.
19. Jorgensen B. A. Comparative Analysis of Predictors of Sense of Place Dimensions: Attachment to, Dependence on, and Identification with Lakeshore Properties / B. A. Jorgensen, R. Stedman // Journal of Environmental Management. 2006. Vol. 79. Pp. 316-327.
20. Meyrowitz J. No Sense of Place: The Impact of the Electronic Media on Social Behavior / J. Meyrowitz. New York: Oxford University Press, 1986. 432 p.
21. Reicher S. The Context of Social Identity: Domination, Resistance, and Change / S. Reicher // Political Psychology. 2004. Vol. 25. Pp. 921-945.
22. Rodman M. Empowering Place: Multilocality and Multivocality / M. Rodman // American Anthropologist. New Series. 1992. Sep. Vol. 94. No 3. Pp. 640-656.
23. Steele F. The Sense of Place / F. Steele. Boston: CBI, 1981. 216 p.

DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96

The Experience of the Place. How Territory Image Can Help in Studying Cross-Ethnic Urban Communities

Irina A. Skalaban

Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor,
Institute of Social Technology and Rehabilitation,
Novosibirsk State Technical University
skalaban@corp.nstu.ru

Abstract. This article seeks to answer the question of whether the reconstruction of characteristic denizen place image and place experience can aid in the study of a city as a cross-ethnic community. Relying on Z. Bauman's understanding of a city, statistical data, and empirical research of Novosibirsk, the author proves that the existence of outsider cultural groups in a modern city carries both a development potential for itself and its localised spaces and communities, as well as the risks of public opinion shift, defined by E. V. Tyrykanova as the new xenophobia. The theoretical and empirical material shows that using the image and experience of place can be perspective in assessing the state of cross-ethnic relations in localised city spaces and integration of outsider cultural groups into urban communities. This article confirms that a method of group social mapping (even in its preliminary form) can be a useful tool of data gathering and analysis. Its employment allows to understand the peculiarities of the city's image construction by outsider ethnic groups. In addition, the author has established that the constructed image does not rely on universal cultural symbols adopted by the city dwellers, but on the symbols that reflect diaspora's interests and values. In conclusion, there is a proved connection between the weak "imagining" of a place and a weak access to it, which, in turn, acts as a barrier to associating new citizens with local places and community. Moreover, the members of new diasporas are more likely to adapt to their urban surroundings rather than to the community, which can be seen as the first step towards their integration into the city's space.

Keywords: city, local space, urban community, cross-ethnic community, space image, space experience, territory image, group social mapping, map, diaspora.

Citation: Skalaban I. A. 2018. "The Experience of the Place. How Territory Image Can Help in Studying Cross-Ethnic Urban Communities". *Siberian Socium*, vol. 2, no 1, pp. 84-96.
DOI: 10.21684/2587-8484-2018-2-1-84-96

REFERENCES

1. Bauman Z. 2008. "Gorod strakhov, gorod nadezhd" [City of Fears, City of Hopes]. *LOGOS. Gorod*, no 3, pp. 24-53.
2. Bart F. 2006. "Vvedenie" [Introduction]. In: Bart F. (ed.). *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: sotsial'naya organizatsiya kul'turnykh razlichiy* [Ethnic Groups and Social Frontiers: The Social Organization of Cultural Differences], p. 11. Moscow.
3. Brubaker R. 2006. "Etnichnost' bez grupp" [Ethnicity without Groups]. Translated from English by I. Borisova. Moscow: dom VSHEH.
4. Vavilina N. D., Skalaban I. A. 2015. "Sotsial'noe kartirovanie: metod issledovaniya i instrument razvitiya territorii" [Social Mapping: Research Method and Territory Development Instrument]. Novosibirsk: Sibprint.
5. Lefebvre H. 2008. "Drugie Parizhi" [Other Parises]. *LOGOS. Gorod*, no 3, pp. 141-147.

6. Linch K. 1982. "Obraz goroda" [The Image of a City]. Translated from English by V. L. Glazychev. Moscow: Stroyizdat.
7. Novosibirskstat. Migratsionnye potoki Novosibirskoy oblasti [Migration Currents of the Novosibirsk Region]. Novosibirsk: Novosibirskstat. Accessed on 7 March 2018.
http://novosibstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/novosibstat/resources/55dcf100485df615b82ff8f7ea55adf2/%D0%9C%D0%B8%D0%B3%D1%80%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5+%D0%BF%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%BA%D0%B8+03.pdf
8. Persidskaya O. A., Popkov Yu. V., Skalaban I. A. 2017. "Migranty v mezhetnicheskom soobshchestve Novosibirsk: spetsifika vzaimnoy adaptatsii" [Migrants in Cross-Ethnic Community of Novosibirsk: Features of Mutual Adaptation]. Vestnik NGUEHU, no 3, pp. 229-239.
9. Popkov Yu. V., Tyugashev E. A. 2017. "Fenomen goroda kak mezhetnicheskogo soobshchestva" [Phenomenon of a City as Cross-Ethnic Community]. EKO, no 10 (520), pp. 7-19.
10. Reznichenko S. I. 2014. "Privyazannost' k mestu i chuvstvo mesta: modeli i fenomeny" [Connection to a Place and the Feeling of a Place: Models and Phenomena]. Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo, no 3, pp. 15-27.
11. Skalaban I. A. 2017. "'Starye' i 'novye' diasporal'nye soobshchestva v sovremennom rossiyskom gorode" ["Old" and "New" Diasporal Communities in a Contemporary Russian City]. Eko, no 10 (520), pp. 20-35.
12. Soja E. 2008. "Kak pisat' o gorode s tochki zreniya prostranstva?" [Writing the City Spatially]. LOGOS. Gorod, no 3, pp. 130-140.
13. Tyuryukanova E. V. 2010. "Inokul'turnaya migratsiya. Drugoy ne budet" [Outsider Culture Migration. There Will Be No Other]. Accessed on 15.01.2018. http://www.ng.ru/scenario/2010-11-23/13_migraciya.html
14. Harvey D. 2008. "Pravo na gorod" [Right to the City]. Translated from English by A. Smirnov. LOGOS. Gorod, no 3., pp. 80-94.
15. Berdoulay V. 1989. "Place, Meaning, and Discourse in French Language Geography". In: Agnew J. A., Duncan J. S. (eds.). The Power of Place, pp. 124-139. London: Unwin Hyman.
16. Cuba L., Hummon D. 1993. "A Place to Call Home: Identification with Dwelling, Community, and Region". The Sociological Quarterly, Spring, vol. 34, no 1, pp. 111-131.
17. Entrikin J. N. 1989. "Place, Region and Modernity". In: Agnew J. A., Duncan J. S. (eds.). The Power of Place, pp. 30-43. London: Unwin Hyman.
18. Entrikin J. N. 1991. The Betweenness of Place: Toward a Geography of Modernity. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press.
19. Jorgensen B. A., Stedman R. 2006. "Comparative Analysis of Predictors of Sense of Place Dimensions: Attachment to, Dependence on, and Identification with Lakeshore Properties". Journal of Environmental Management, vol. 79, pp. 316-327.
20. Meyrowitz J. 1986. No Sense of Place: The Impact of the Electronic Media on Social Behavior. New York: Oxford University Press.
21. Reicher S. 2004. "The Context of Social Identity: Domination, Resistance, and Change". Political Psychology, vol. 25, pp. 921-945.
22. Rodman M. 1992. "Empowering Place: Multilocality and Multivocality". American Anthropologist. New Series, September, vol. 94, no 3, pp. 640-656.
23. Steele F. 1981. The Sense of Place. Boston: CBI.